

Владимир Кунин

Кыся

ФТМ

Кыся

Владимир Кунин

Кыся

«ФТМ»

1995

Кунин В. В.

Кыся / В. В. Кунин — «ФТМ», 1995 — (Кыся)

Мартын – непростой кот. Он – философ, гедонист и неисправимый плейбой. Волею судеб он попадает в различные захватывающие приключения, выбраться из которых под силу только истинному коту с ласковым прозвищем Кыся. Роман «Кыся» открывает серию авантурных походов питерского кота.

© Кунин В. В., 1995

© ФТМ, 1995

Владимир Кунин

Кыся

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2019

© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

*Счастлив, кто падает вниз головой.
Мир для него, хоть на миг, а иной.*

Владислав Ходасевич

Только я пристроился сзади к этой кошечке, только прихватил ее за нежный пушистый загривочек, только почувствовал, как ее потрясающий рыжий хвостик туго напружинился и стрункой вытянулся вверх и чуть вбок в ответном желании, открывая мне, как сказал бы мой Человек Шура Плоткин «врата блаженства»... А Шура знает, что говорит – он литератор. И когда к нам приходят разные его бабешки, он сначала читает им свои сочинения, а потом начинает их раздевать, бормоча разные вот такие слова, вроде «врата блаженства», «жаркий оазис любви», «испепеляющее желание», и так далее. Причем, ни в одном его сочинении, которые он этим дурочкам читает, я никогда не слышу этих слов. Шура как я – абсолютно беспородный, но ума у него хватает, чтобы в своих статьях и рассказах такие роскошные выражения не употреблять. Тем более, я же слышу, с какими интонациями он эти пышные слова произносит. Будто бы внутренне хихикает...

Он иногда пытается и со мной так разговаривать, не такими словами, а такими интонациями. И, не скрою, я этого очень не люблю. В таких случаях я просто отворачиваюсь от Шуры и сажусь к нему спиной. И тогда Шура начинает извиняться передо мной и подлизываться. Должен отметить – совершенно искренне. И я его прощаю.

Ну, так значит, только я взобрался трахнуть эту кошечку, эту прелестную рыжую киску, или, как выражается иногда мой Шура, влезая на свою очередную гостью, – «вонзиться в ее пылающий рай», как вдруг совершенно неожиданно что-то большое, жесткое, сетчатое, очень больно стукнув меня по кончику хвоста, накрыло нас обоих, и прежде, чем я успел сообразить что же произошло, я услышал мерзейший голос этой сволочи Пилипенко:

– Пиздец коту!!! Васька, затягивай сачок поскорей, а то этот прохиндей опять вырвется!.. Он уже от нас раз пять смыливался! Это котяра того самого жида, который в газеты пишет.

Ну надо же, гад, подонок, в какой момент подловил!.. Прав был Шура, когда говорил мне: «Ах, Мартын, не доведут нас с тобой яйца до добра...»

– Затягивай сачок, кому говорю! – орет Пилипенко, и подлец Васька затягивает сачок туго-натуго. И мы с моей рыжей лапочкой оказываемся тесно спеленутые сетью. Естественно, тут уже не до «врат блаженства» и «жаркого оазиса», да и, честно говоря, у меня от испуга и неожиданности просто нечем было бы «вонзиться в пылающий рай» этой рыжей дурехи, которая от ужаса, кретинка, завопила таким дурным голосом, что если бы я в другой, менее экстремальной обстановке, услышал бы от нее такую истерику, у меня просто вообще не встал бы на нее никогда.

– Все, бля, – говорит Пилипенко. – Теперь он мой!

– Кто? – спрашивает Васька.

Васька с первого раза ни во что не врубается. Редкостный болван! Откуда эту дубину стоеросовую Пилипенко себе в помощники выискал? Ваську напарить – проще простого. Он – не Пилипенко. Тот, хоть и гад, хоть и сволочь, и живодер, но далеко не дурак.

– Кто «твой-то»? – переспрашивает Васька.

– А они обеи! И еврей, и его котяра. Они у меня теперь вона где, – и Пилипенко хлопает себя по карману. – Захочет свою животную взад получить? Наше вам пожалуйста. Пришлите полсотни баксов, и кот ваш. Я его все едино еще раз отловлю. Не хотите платить – я вашего котика в лучшем виде в НИИ физиологии представлю. Нехай этот ваш ебарь-террорист науке послужит. Его там распотрошат на составные части, и он еще своим трупом миру пользу принесет. Конечно, капуста будет меньше, гроши одни – сейчас на науку ни хрена не дают, но, как говорится, с худой овцы...

– Был бы он породистый, можно было бы яво на шапку пустить, – говорит Васька. – Гля, какой здоровущий!..

– А хули толку, что здоровущий? – отвечает ему Пилипенко. – У его вся шкура спорчена, морда исполосована, уши рваные. Весь, куда ни глянь, везде в шрамах. Его даже овчарки боятся! Будешь пересаживать из сетки в «воронку», рукавицы надень. И поглядывай. С им только зазевайся – враз в глотку вцепится!

И, несмотря на унижительность моего сиюсекундного положения, несмотря на, честно говоря, заползающий в душу холодок обреченности, чему немало способствовали истошные вопли этой рыжей идиотки, прижатой ко мне безжалостными пилипенковскими узами, я не без гордости вспомнил, как два месяца тому назад, когда Пилипенко накрыл меня своим гнусным сачком почти в аналогичной ситуации, я прокусил ему ухо и разодрал левую руку чуть ли не до кости. Чем, не скрою, и спасся...

Он был просто вынужден отшвырнуть меня и броситься к своей машине, к этому своему отвратительному «воронку», за аптечкой. При этом он изрыгал из себя такой чудовищный мат, которого я не слышал даже от своего Шуры Плоткина, когда тот схватил триппер на одной, как он говорил, «оччччень порядочной замужней женщине»...

– Так что ты с ним поосторожней, – говорит Пилипенко про меня.

– Ладно... Учи ученого, – отмахивается Васька. – А с этой рыжей че делать? Хозяев не знаем, для лаборатории, вроде, мелковата. Они просили крупняк подбирать...

– Ниче!.. Пока пихай ее в общую клетку. Приедем на место и выпустим на хер. Нехай блядوشка теперь там погуляет. Я на ее, как на живца, уже шестнадцатого кота беру!..

Вот это да!!! О господи!.. Боже ж ты мой, скольких же невинных, влекомых лишь нормальным здоровым половым инстинктом, эта рыжая стерва, эта предательница, эта гнусная тварь привела к мучениям на лабораторных столах института физиологии?! Из скольких же бедолаг эти два умельца – Пилипенко и Васька – сотворили свои уродливые шапки для Калининского рынка?.. Кошмар!..

Первым моим желанием было немедленно перекусить ей глотку. Но мы были спеленуты одной сетью и я не мог пошевелиться. И от полной невозможности мгновенно произвести справедливый акт отмщения и заслуженного наказания я вдруг впал в такую апатию, такое безразличие к своей дальнейшей судьбе, что от охватившего меня бессилия захотелось просто тихо заплакать...

Поэтому, когда Васька принес нас к «воронку» – старому, раздолбанному «москвичу» с фургончиком, открыл заднюю дверцу и выгрузил нас из сачка в стоящую внутри фургона клетку, – я даже не рыпнулся, а эта рыжая провокаторша, эта тварь продолжала орать, как умалишенная.

– Гля, какой смирный!.. – удивился Васька и опустил вниз заслонку клетки. – А ты говорил...

– Смирный – еще не покоренный, – ответил ему Пилипенко и сел за руль. – Этот еврейский котяра так себе на уме, что не знаешь, чего от него ждать. Жаль только, что у его жида вошь в кармане да блоха на аркане, а то б я с него за этого кота и сто баксов слупил бы. Садись, Васька, не мудохайся! А то кто-нибудь из хозяев этих шмакодявок объявится, и нам опять морду набьют...

Васька заторопился, захлопнул дверь фургона, и во внезапно наступившей темноте, я отчетливо увидел, что впопыхах он забыл защелкнуть металлическую задвижку на опущенной заслонке кошачьей клетки. Так что при желании и некотором усилии заслонку можно было бы приподнять лапой... Апатии у меня – как не бывало!

Пилипенко завел мотор и мы поехали.

Я огляделся. В нашем кошачьем отделении (в фургончике была еще одна клетка – для собак) сидели и понуро лежали штук пятнадцать малознакомых мне Котов и Кошек. Но, судя по тому, как многие увидев меня, подобрали под себя хвосты и прижали уши, меня тут знали.

И только один Кот не прижал уши к голове. Тощий, обшарпанный, с клочковатой свалявшейся шерстью, со слезящимися глазами и обрубленным хвостом – типичный представитель безымянно-бездомного подвально-помоечного сословия, без малейшего страха подошел ко мне и сел рядом, глядя на меня с преданностью и надеждой.

Когда-то на пустыре за нашим домом я отбил этого несчастного бродягу от двух крупных домашних Котов, изрядно попортив им шкуры и наглые сытые морды.

На следующий день после этого побоища Шура выпустил меня прошвырнуться по свежему воздуху и совершить свои естественные отправления. Дома я этого не делал никогда, даже в самые лютые морозные зимние дни. Таким образом мой Человек Шура Плоткин был начисто избавлен от необходимости заготавливать для меня песок и нюхать едкую вонь кошачьей мочи и кала.

Наш дом стоит в новом районе, в глубине квартала, и я с детства выторговал себе право в любое время уходить из квартиры и возвращаться в нее только тогда, когда мне этого захочется.

Короче, когда я на следующий день выполз из нашей парадной и с наслаждением потянулся до хруста, до стога, и новое прохладное утро стало вливаться во все мое тело – от влажного носа, устремленного в синее весеннее небо, до кончика хвоста, туго вытянутого к горизонту, – я вдруг увидел вчерашнего кота-бродягу, сидящего неподалеку от моего дома. Между его тощих и грязных лап лежала здоровенная мертвая крыса.

Бродяга приветливо дернул обрубок хвоста и переместился сантиметров на двадцать левее задушенной им крысы, предлагая мне ее в подарок.

Я подошел. Как и положено, мы обнюхались, а потом я ему битый час втолковывал, что вообще-то я крыс не ем, что жратвы у меня и дома навалом, но подарок его я ценю и очень ему благодарен.

В подтверждении искренности своих чувств я на его глазах отнес крысу за дом, выкопал там ямку и зарыл ее туда, делая вид, что как-нибудь обязательно вернусь за ней и вот уж тогда-то мы и устроим пир горой!.. А пока, если он хочет шмат нормальной сырой рыбы под названием «хек мороженный», я могу смотаться домой и принести ему. Тем более, что она уже оттаяла.

Но то ли этот несчастный кот не знал, что такое «рыба», то ли никак не мог взять в толк, как это возможно «не есть крыс?!», но он деликатно (что, кстати, гораздо чаще встречается у простых дворовых особей, чем у породистых и домашних) отказался от моего предложения, куда-то сбегал и привел мне совершенно незнакомую, очень миловидную грязно-белую кошечку, которую я тут же и трахнул за его здоровье.

А он смотрел, как я это делаю, жмурился от удовольствия и, кажется, был абсолютно счастлив, что наконец-то смог мне угодить...

Вот этот-то Кот и сидел сейчас рядом со мной. Сидел и смотрел на меня. Только один-единственный раз он покосился на незащелкнутую задвижку от заслонки, давая мне возможность понять, что и он тоже заметил Васькину оплошность. Я клянусь, что мы с ним не произнесли ни звука!

Но в громких рыданиях рыжей потаскушки-provокаторши... Или «provокаторки»? Как говорят Люди, когда provокатором оказывается особа женского пола? Короче, в истерике этой бляди, в жалобном мяуканье совсем еще пацана-Котенка, в нервной, хриплой зевоте старухи-Кошки, в неумолчном лае идиота-Фоксика из соседней собачьей клетки, в трагическом вое ухоженного и до смерти перепуганного Шпица, в робком гавканье моего знакомого по пустырю – огромного и глупого, но очень доброго Пса, в котором было намешано с десятков пород и кровей, – я УСЛЫШАЛ немой вопрос Кота-Бродяги:

– Что делать будем?

– А черт его знает! – говорю я, даже НЕ ОТКРЫВАЯ рта. – Ну, предположим, мы поднимем заслонку, а потом? Фургон-то снаружи закрыт...

– Слушай, Мартын, – говорит Бродяга. – Безвыходных положений не бывает. Это тебе говорю я, у которого никогда не было Своего Человека. Конечно, ты за Шурой Плоткиным – как за каменной стеной...

Я действительно много раз рассказывал Бродяге о Шуре и однажды даже познакомил их.

– Да причем тут Шура?! – разозлился я.

– При том, что ты, даже не сознавая этого, надеешься, что тебя выручит твой Шура. А мне надеяться не на кого. Только на себя. Ну и на тебя, конечно. А ты даже пошевелить мозгами не хочешь...

Слышать это было дико обидно!.. Тем более, что на Шуру я и не рассчитывал. Во-первых, потому, что не он меня, а в основном я его всю жизнь выручал из разных неблагоприятных ситуаций, а во-вторых, Шуры просто физически не было в Санкт-Петербурге. Он еще позавчера уехал в Москву, повез свою рукопись в издательство. Специально для ухода за мной – кормежка, впустить меня, выпустить, дать попить, включить мне телевизор, – Шура оставил в нашей квартире очередную прихехешку, которая начала свою бурную деятельность в нашем доме с того, что сожрала мой замечательный хек и сутки обзванивала всех своих хахалей, как внутрirosсийского, так и заграничного разлива. Трепалась она по полчаса с каждым, и я в панике представлял себе, какой кошмарный счет придет нам с Шурой в конце месяца за эти переговоры! Поэтому сегодня, уходя из дому, я перегрыз телефонный шнур и таким образом спас Шуру Плоткина от необходимости пойти по миру, ведя меня на поводке. Шура вернется домой – я ему покажу место, где я перегрыз провод, и Шура все сделает. В отличии от других наших знакомых литераторов, руки у Шуры вставлены нужным концом.

В-третьих, даже если бы Шура был в городе, он все равно никогда не смог бы выкупить меня у Пилипенко. У моего Плоткина долларов отродясь не было.

Но Бродяге я этого ничего не сказал. А только спросил:

– Как ты думаешь, куда нас везут?

– Чего мне думать, я точно знаю – на Васильевский остров, в лабораторию института физиологии. Я уже один раз там был. Еле выдрался. Пришлось со второго этажа прыгать...

Я с уважением посмотрел на Кота-бродягу.

– Думай, Мартын, думай, – сказал он мне. – У меня лично с голодухи башка не варит...

...И я придумал!!!

Единственное, о чем я попросил Бродягу – это максимально точно предупредить меня, когда до остановки у дверей лаборатории института физиологии останется ровно три минуты.

В нас – Кошачьих, есть ЭТО. Я не знаю, как ЭТО объяснить. Наверное, потому, что сам не очень отчетливо понимаю, как возникает в нас ЭТОТ процесс предвидения, ощущение остав-

шегося времени, полная ориентация в темноте или закрытом помещении (даже передвигающемся в пространстве как мы сейчас), относительно точное чувство расстояния...

Естественно – необходимы одна-две вводных. Ну, например: почему я попросил именно Бродягу предсказать мне подъезд к лаборатории точно за три минуты? Не смог бы сам? Смог бы! Но не настолько точно, как Бродяга. И я, и все остальные Коты и Кошки, ни разу не ездившие этой дорогой, могли бы ошибиться – плюс-минус минута. Мне же была нужна абсолютная точность. А для этого был необходим Бродяга. То есть Кот, который уже один раз ехал этой дорогой...

И вот этот, казалось бы, ничтожный опыт, эта, прямо скажем, очень слабенькая эмпирика, рождает в наших кошачьих мозгах поразительно точные определения – расстояния, времени, ощущения в пространстве...

Пример из собственной практики: мы с Шурой живем в девятиэтажном сорокапятиквартирном доме с одной парадной лестницей и одним лифтом.

Основная интенсивность движения и загруженности нашего лифта, когда он, как сумасшедший, мотается между этажами – это период с четырех до семи часов вечера. То есть, когда Люди возвращаются с работы. Это три часа непрерывного гудения огромной электрической машины, рокотание толстенных стальных тросов, поднимающих и опускающих лифт, скрип и постоянное повизгивание могучих блочных колес с желобками, через которые и ползут эти тросы... Я как-то шлялся на чердак и видел это чудовищное сооружение.

И ко всем этим звукам – еще три часа безостановочного хлопанья железных дверей шахты лифта, щелканье деревянных створок кабины, звуки включения и выключения разных реле... И вся эта какофония с совершенно непредсказуемой периодичностью!

И клянусь вам, я все эти три часа могу продрыхнуть в СВОЕМ кресле, не прислушиваясь и не настораживаясь. Но в какой-то мне и самому неясный момент, что-то меня будит, и я, лежа в кресле с еще закрытыми глазами, точно ощущаю, что к дому подходит Мой Шура. С этой секунды я знаю все, что должно произойти дальше! Мне даже кажется, что я это вижу сквозь стены!..

Сейчас, для наглядности я выстрою и свое, и Шурино поведение в стиле «параллельного монтажа». Это я в свое время так от Шуры нахватался. Он когда-то, как сам говорил, «лудил» сценарии для киностудии научно-популярных фильмов и несколько месяцев подряд выражался исключительно по-кинематографически...

Итак:

Вот Шура подходит к нашей парадной...

В это время я, еще лежа, приоткрываю один глаз...

Вот Шура набирает «секретный» код замка входной двери... А код не набирается. Тогда Шура говорит свое извечное – «Ну, елки-палки!.. Неужели снова сломали?!» и толкает дверь ногой. Дверь распаивается, зияя выломанным кодовым устройством...

Тут я открываю второй глаз...

Шура входит в парадную, морщит свой длинный нос, внюхивается (хотя, чем он там может внюхиваться?!.. Люди в этом совершенно беспомощны) и бормочет: «Опять всю лестницу обоссали, засранцы!..»

Это он про мальчишек из соседних домов и заблудших пьянчуг...

Тут я приподнимаю задницу, потягиваюсь и вижу... Да, да!.. ВИЖУ, как...

...Шура нажимает кнопку вызова лифта!!!

И пока лифт к нему спускается, я мягко спрыгиваю со СВОЕГО кресла и потягиваюсь еще раз. Времени у меня навалом...

Шура входит в темную кабину лифта со словами «Ничтожества! Разложенцы!.. Дремучая сволочь! Страна вырожденцев и уродов!.. Опять лампочку выкрутили!!!»

Мне-то все равно было бы – в темноте ехать или при свете, а Шуру бедному приходилось...

...искать пульт с этажными кнопками, наощупь отсчитывать восьмую, и так в темноте, чертыхаясь и матерясь, подниматься до нашего этажа...

За это время, я медленно... Ну, очень медленно!.. иду через вторую комнату в коридор, слышу как останавливается лифт, ВИЖУ...

...как выходит из него Шура и вытаскивает ключи из кармана...

Я слышу, как он отпирает первую железную дверь, слышу, как он вставляет ключ во вторую – деревянную, и...

...скромненько сажусь у двери и поднимаю нос кверху...

Тут-то и входит Шура! И говорит:

– Мартын! Сонная твоя морда!.. Хоть бы пожрать чего-нибудь приготовил, раздолбай толстожопый...

А я ему... Вот чего не умею – так это мяукать. А я ему в ответ так протяжно, басом:

– А-а-ааа!.. А-а-ааа!..

И он берет меня тут же на руки, чего я никогда никому не позволяю делать. Зарывается своим длинным носом в мою шкуру и шепчет:

– Мартышка... Единственный мой!..

И за шесть лет жизни с Шурой Плоткиным я не ошибся ни разу!

Откуда в нас эта странная, таинственная, почти мистическая способность?! Может быть, потому, что в наших кошачьих носках находится девятнадцать миллионов нервных окончаний, а у Человека всего пять?.. А может быть, потому, что Коты и Кошки слышат на две октавы больше, чем Человек?..

Я лично понятия не имею, что все это такое, но если у нас «девятнадцать», а у них всего «пять» – значит, мы почти в четыре раза лучше? Правильно?.. Или они слышат так себе, а мы на «две октавы больше» – следовательно, мы гораздо совершеннее?! Так ведь? Уже не говоря о том, что в темноте Люди просто жалкие создания, в то время как для нас темнота хоть бы хны!

Или, к примеру: на ушах у нас больше тридцати мышц! У собак всего лишь семнадцать, а у Человека – вообще всего шесть!.. И мы своими мускулистыми ушами способны улавливать любые оттенки звуков с любого направления!.. А что могут Люди со своими шестью паршивенькими мышцами?

Нужно быть до конца справедливым – все эти сведения я почерпнул от того же Шуры Плоткина, который одно время очень серьезно занимался нашими Личностями, поразительными особенностями наших организмов и перечитал по этому поводу уйму прекрасных книг. Кстати, он же мне сообщил, что древние египтяне почитали Котов и Кошек как Божественные Создания, украшали их драгоценностями, и ни один Человек не имел права причинить Кошачьему существу ни беспокойства, ни тем более страданий...

Вот было Время! Вот были Люди!.. Не то что эти постсоветские подонки – Пилипенко и его вонючий Васька...

– Боюсь, всех нам не выручить, – сказал я Бродяге, когда поделился с ним планом предстоящей операции.

– Спасение утопающего – есть дело лап самого утопающего, – безжалостно ответил Бродяга.

И я подумал, что в чем-то Бродяга прав. Действительно, всем помочь, практически невозможно. Но...

За шесть с половиной лет моей достаточно бурной жизни, я перетрахал такое количество Кошек, которое обычному рядовому домашнему Коту и во сне не приснится! Я никогда не шел на поводу у сочиненной Людьми весьма распространенной и унижительной теорийки, будто

«брачным» месяцем у Котов и Кошек считается только март. А все остальные одиннадцать месяцев в году они, дескать, даже и не помышляют о совокуплении. Какой-то собачий бред Людей-импотентов, подсказанный им пухлыми и пушистыми Котами-кастратами!

Да я все триста шестьдесят пять дней в году, просыпаясь каждое утро, только и думаю – кого-то я сегодня оприходуя?! Что мне сегодня за Киска попадется между лап?.. А не смотреть ли мне в соседний квартал, в парк при спортивном комплексе «Зенит»? Говорят, там недавно появилась одна такая сиамская лапочка, которая никому не дает, да еще и огрызается, как стерва...

И я иду в этот их спортивный парк, нахожу там эту недотрогу и через семь секунд трахаю ее на глазах у всех наших изумленных Котов-пижонов, а потом эта сиамская дурочка бежит за мной все лето как умалишенная.

Так что все эти теории про «брачный период» и про «март месяц» ни хрена не стоят! У меня «март» – с января по декабрь включительно. Мне лично всегда хочется. Я, как говорит мой Шура, «завсегда об этом думаю». Он, кстати, тоже...

Ну и конечно, время от времени то одна, то другая Кошка с уже отвисшим брюхом вдруг начинает с неуклюжим кокетством валиться на спину и так печально-выразительно поглядывать на меня. Но я беременных принципиально не трогаю. Не дай бог, еще повредишь им там чего-нибудь...

Так что сколько Котят посеяно мною во чревах невероятного количества Кошек – я и понятия не имею. Конечно, прав Бродяга, всем помочь невозможно...

И к большинству Кошек, которых я употреблял когда-то, честно говоря, у меня отношения никакого – спасибо и привет! Но, когда на нашем пустыре я вдруг вижу какого-нибудь скачущего Котенка-несмышленища, я почти бессознательно тянусь заглянуть ему в мордочку – а вдруг это мой? А вдруг он произошел от меня?! Вот ведь чудо-то какое!

В такие моменты мне всегда хочется накормить его, защитить от Собак, от Котов-идиотов, от больших и злобных Крыс, от всего на свете...

Одного такого бесприютного я даже как-то привел к нам домой. На что Шура Плоткин торжественно сказал:

– Ах, Мартын, дорогой мой друг! Хотя ты и половой бандит и сексуальный маньяк, хоть ты и разбойник и ебать без зазрения совести, но сердце у тебя мягкое, интеллигентное, я бы сказал... Существо, ощущающее комплекс вины за содеянное, уже благородное существо!

И подарил этого замухрышку одной своей московской знакомой. Как-то он там теперь в Москве поживает? Вырос небось засранец...

Вот почему я показал Бродяге на забившегося в угол клетки насмерть перепуганного Котенка и решительно заявил:

– Но этого пацана мы все-таки вытащим! Сколько у нас времени?

– До сигнала или до приезда? – деловито спросил Бродяга.

– До сигнала.

– Около пяти минут.

– Порядок. Подгони пацана поближе к дверце клетки, а я пока дотрахаю эту рыжую падлу! Не пропадать же добру...

Я прыгнул сзади на верещающую рыжую Кошку, жестко прихватил ее зубами за загривок, принял к полу клетки задними лапами, и на глазах полутора десятков уже обреченных Котов и Кошек и нескольких Собачек, я стал драть ее как сидорову козу!

Нежности, обычно сопровождающей этот акт, не было и в помине. Ненависть к этой «подсадной утке», к этой предательнице вдруг сублимировалась в такое жестокое и могучее желание, что я готов был проткнуть ее насквозь и разорвать на куски. Я знал, что причиняю ей сильную боль своими зубами и когтями задних лап, но это знание еще больше усиливало

мое наслаждение – и на миг у меня в мозгу промелькнуло, что подобного со мной никогда не бывало! Уж не сбрендил ли я на секспочве?!

Теперь рыжая не орала, а только хрипела, прижатая к полу. На долю секунды я вдруг увидел ухмыляющегося Бродягу, потрясенную Старуху-Кошку, насмерть перепуганного Котенка, с отвалившейся от удивления челюстью и...

...в момент пика моих трудов, в пароксизме страсти, я еще сильнее сжал зубы у нее на затылке и услышал, как она тихонько взвизгнула подо мной...

Когда же я кончил и, как ни в чем не бывало, слез с нее – она так и не смогла встать на лапы. Со всклокоченной шерстью, с безумными глазами, негромко постанывая, она, словно раздавленная, поползла на брюхе в угол клетки. На мгновение сердце мое кувыркнулось от жалости, но я тут же вспомнил про пятнадцать замученных Котов, погибших из-за нее в лаборатории института, и моя слабость уступила место гадливому презрению. Я должен был быть у нее шестнадцатым...

Неожиданно мы почувствовали, что наш автомобиль стал притормаживать.

Я тут же подскочил к дверце клетки и вопросительно посмотрел на Бродягу. Неужели мы уже подъехали к институту, к этому Кошачьему лобному месту?! Неужто Бродягу так подвела знаменитая наша интуиция? А может быть, от постоянного многолетнего недоедания он утратил ощущение Времени, Предвидения, и все те качества, которые ставят нас в недостижимое интеллектуальное превосходство над всеми остальными живыми существами?!

Бродяга и сам недоумевал.

Автомобиль еще катился по инерции, когда раздался негромкий, исполненный злобой, голос Пилипенко:

– Вот ссссука!.. Чего этому-то козлу от нас надо?!

– Чего, чего!.. А то ты не знаешь – «чего»? – ответил Васька.

Но тут наш «москвич» окончательно остановился и кто-то сипло проговорил:

– Здравия желаю, граждане. Па-апрашу документики!

Я почувствовал новый букет запахов, ворвавшийся в наш тюремный мир: и запах устоявшегося, многодневного водочного перегара; и кислые запахи маленьких, но сильных аккумуляторов для переносных радиостанций; ни с чем не сравнимый запах оружия; пропотевшей кожаной амуниции; и слабенький запахок мятной жевательной резинки, наивно призванной заглушить все остальные запахи.

Нет, это не институт, слава богу!.. Это милиционер. Или бандит. Что, впрочем, с моей точки зрения, одно и то же – человек с оружием. У меня сразу отлегло от сердца – значит, время еще есть.

– Здравия желаем, товарищ начальник! Научно-исследовательский институт физиологии приветствует нашу доблестную милицию, – одновременно пропели Васька и Пилипенко такими сладкими, липкими голосами, как если бы вдруг заговорило растаявшее мороженое.

Я как-то жрал такое. Гадость – чудовищная, оторваться – невозможно! Та-ак... Значит, это все-таки милиционер. Тоже неплохо...

– Документы попрошу, – повторил милиционер.

– Пожалуйста... – голос Пилипенко совсем упал. – Какие проблемы-то?

– Счас посмотрим, – сказал милиционер. – Не будет проблем – создадим. Все в наших руках. Тэ-эк-с... Пилипенко Иван Афанасьевич?.. Вот и ладушки, Иван Афанасьевич, пришите двадцатничек от греха подальше, и поезжайте с богом.

– Какой «двадцатничек»?.. – растерялся Пилипенко.

– Зелененький, – пояснил милиционер.

– За что-о-о?.. – простонал Пилипенко.

– Дымление двигателя, прогар глушителя, левый «стоп» не работает, коррозия по низу дверей и крыльев, машина грязная, номера ржавые, правое наружное зеркало отсутствует... Еще нужно?

– Нет... – выдохнул Пилипенко. – Может, рублями возьмете?

– Ты чего? Мне, при исполнении, взятку предлагаешь, что ли?

– А доллары – не взятка?! – слышно было, что Пилипенко разозлился.

– А доллары – это доллары.

– Товарищ начальник... – заныл Пилипенко. – Мы бедные научные сотрудники, мы сейчас работаем над одной диссертацией...

– Ты, «научный сотрудник»! Ты мне мозги не пудри и лапшу на уши не вешай, – тихо сказал милиционер. – Я вот сейчас открою двери твоего фургона, и вся твоя «диссертация» враз с мяуканьем и лаем по городу разбежится. А я тебя еще и прав лишу, и техпаспорт отберу, мудила. Черт с тобой, гони червонец и вали отсюда на хуй, «диссертант» ебаный...

– Нет вопросов! – бодро ответил Пилипенко, чем-то пошелестел и, наверное, отдал милиционеру десять долларов.

Милиционер удовлетворенно крикнул и интеллигентно сказал:

– Получите ваши документы и к следующему разу прошу привести ваше транспортное средство в порядок, товарищ водитель.

Тут Пилипенко ничего не ответил и мы снова поехали.

– Вот где надо сейчас работать, – завистливо вздохнул Васька. – А мы эту срань болотную сачком ловим...

– Погоди, погоди, Васька... – Пилипенко даже зубами скрипнул. – Будет и на нашей улице праздник. Сейчас время революционное! «Кто был ничем, тот станет всем...» Есть, есть у меня одна мыслишка!.. А уж тогда не на этом говне, а на белом «мерседесе» ездить будем!.. Этот же ментяра, который сейчас с нас ни за что ни про что десять долларов слупил, на мотоцикле, бя, с сиреной и мигалками, бя, впереди будет ехать и дорожку нам расчищать...

Бродяга услышал это и презрительно ухмыльнулся.

А я подумал – все может быть... Сейчас, как раз, время для таких, как Пилипенко. Наглых, напористых, неглупых, неотягощенных интеллектом, а поэтому и не стесняющих себя в выборе средств для достижения цели.

Мы много раз болтали об этом с Моим Шурой. Особенно, когда он где-то выпьет, придет домой и начнет передо мной извиняться, что, дескать, он мне даже приличной рыбы не может купить, что его доходов только на этот «хек мороженный» и хватает... Ну, и всякие такие дурацкие излияния.

А потом – несколько многословный, но уже почти трезвый анализ всего происходящего сегодня в нашей стране. И кто в это прекрасно вписывается, а кто – вроде нас с Шурой Плоткиным, – никак не может вписаться, да никогда и не впишется, хоть за бугор уезжай!..

Один раз, когда от него уж очень сильно пахло алкоголем (чего я, к слову сказать, не перевариваю!), он даже заплакал, когда мы снова заговорили об этом...

Помню, я так разнервничался! Мне его так стало жалко!.. И несмотря на то, что от него буквально разило водкой, я принес ему остатки моего сырого хека и лизнул его в щеку. А он еще сильнее заплакал, лег на пол, прижал меня к себе и заснул.

Он тогда так храпел!.. Как я вынес все это в течении нескольких часов – уму непостижимо!

Я только попытаюсь вылезти из-под его руки, как он приоткрывает глаза и в слезы: «Мартыныч... Родимый! Ты-то хоть не бросай меня...» Ну что? Мог я уйти?..

Под утро я все-таки сумел выползти из-под Шуры. Писать захотел – удержу нет!

Обычно, когда со мной такое происходит дома, а Шура еще спит, я поступаю очень просто: сажусь на Шурину подушку точненько перед его физиономией, и начинаю не мигая, неот-

рывно смотреть на его закрытые глаза. Не проходит и тридцати-сорока секунд, как Шура просыпается и говорит хриплым ото сна голосом:

– Что, обоссался, гипнотизер хренов?

Я молча спрыгиваю на пол и иду к дверям. Шлепая босыми ногами, Шура бредет за мной в чем мать родила, и выпускает меня на лестницу. Дальше дело техники. Я сбегая на первый этаж и начинаю орать дурным голосом:

– А-а-аааа! А-а-аааа!

Обязательно кто-то из жильцов первого этажа выйдет, откроет мне дверь парадной, и со словами «А, это ты, Мартинчик?! Ну выходи, выходи...» выпустит меня на улицу.

Почему-то соседи называют меня на иностранный манер – «Мартин». Наверное, считают, что у такого человека, как Мой Шура Плоткин – литератора и журналиста, Кот с обычным плебейским именем «Мартын» быть не может...

В нашем доме меня знают все. Особенно после того, как я набил морду огромной овчарке наших нижних соседей. Она теперь ко мне то и дело подлизывается, но я и ухом не веду в ее сторону.

Но в тот раз, когда Шура надрался до положения риз, мой гипноз так и не достиг цели. Не скрою, я запаниковал! Напрудить в квартире – я такого себе даже Котенком, не позволял. Еле-еле выцарапал на себя дверь в Шурин туалет, вспрыгнул на горшок и сделал свои дела. Помню, потом встал на задние лапы и, опираясь одной передней о сливной бачок, второй лапой нажал на рычаг и спустил за собой воду...

– Внимание, Мартын! Осталось ровно три минуты! – услышал я команду моего кореша Бродяги.

Я быстро вонзил когти правой передней лапы в деревянную опускающуюся заслонку на передней стенке клетки, что было сил потянул ее вверх, и, когда между полом клетки и заслонкой образовалась щель, я тут же поддел заслонку второй, левой лапой.

– Помогай, браток! – крикнул я Бродяге.

Тот мгновенно просунул в щель и свою лапу. Вдвоем – в три лапы (одной Бродяга держал Котенка) – мы приподняли тяжеленную заслонку настолько, что смогли просунуть туда свои головы.

Теперь заслонка лежала на наших плечах и шеях, всей своей тяжестью придавливая нас к полу клетки.

– Вылезает одновременно, – приказал я Бродяге. – А то заслонка тяжелая – одному не удержать.

– А с этим недоноском что делать? – спросил Бродяга.

– Выталкивай его первым! Внимание... Раз, два, взяли!..

И мы втроем выскользнули из клетки. Заслонка со стуком опустилась за нашими хвостами. Точнее, за моим хвостом и хвостом Котенка. Бродяга лишился хвоста еще года три тому назад при весьма смутных обстоятельствах – то ли был пойман в мясном отделе нашего гастронома, когда хотел спереть кусок мяса, то ли еще что-то...

Во всяком случае, сам он об этом не рассказывал, я не расспрашивал, а на то, что болтали об этом всякие Коты и Кошки нашего квартала – мне было совершенно наплевать.

Теперь мы – Котенок, Бродяга и я – были вне клетки. Но это составляло лишь пятую часть операции. И ликовать по этому поводу было более чем преждевременно.

Между Кошачьей и Собачьей клетками и внутренними стенками фургона было достаточно расстояния даже для взрослого Кота, а уж Котенок мог чувствовать себя там совершенно свободно. Но где гарантия, что этот малолетка стремглав выскочит из фургона, когда Васька или Пилипенко распахнут снаружи дверцы? Где гарантия того, что Котенок от страха

не забьется в угол фургона и будет там трястись, пока кто-нибудь из этих сволочей не сгребет его за шкуру и не сунет в мешок?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.